

Возможностей корпорации Линь было более чем достаточно, чтобы, разглядев малейшую зацепку, распутать весь клубок. Стоило им лишь осознать, что мир начал необратимо меняться, как новые улики не заставили бы себя ждать. Линь Шу понимал: отцу не понадобятся долгие уговоры — как только Линь Юаньхан почувствует угрозу, он мгновенно развернет бурную деятельность.

Это было куда эффективнее, чем в одиночку надрывать, пытаясь тайком скопить горы припасов.

Прижав трубку к уху, Линь Шу в красках расписал коварство семьи Тань, подробно изложил историю паразитического заражения Чэнь Тяньху и упомянул жуткий мутировавший одуванчик. В конце, пользуясь тем, что объект его слов находится далеко, он позволил себе немного присочинить:

— Я тут краем уха слышал от спасшего меня капитана Фу, что у нас в запасе от силы месяц... У меня очень дурное предчувствие. Может, не стоит торопиться с разгрузкой той партии товара, что сейчас в порту? Давай придержим её хотя бы на месяц, а там посмотрим.

Линь Шу проявил недюжинную предусмотрительность: отношения с «объектом» ещё толком не начались, а он уже принялся заочно создавать у родственников благоприятное впечатление о некоем Фу Яньсю.

Как и ожидалось, на другом конце провода брат, несколько раз переспросив, не ранен ли он, строго наказал:

— Спас жизнь — значит, долг наш неоплатен. Поблагодари его как следует от нашего имени. Как только разберемся с делами, приедем и выразим признательность лично.

Мягкий, исполненный заботы голос Линь Ле, словно прохладный ручей, омыл иссохшее сердце Линь Шу. Тот крепко зажмурился, слушая, как брат продолжает:

— Об этом пока никому ни слова. Я поговорю с отцом. Заканчивай там поскорее и возвращайся. Безопасность превыше всего.

— Да, брат, я понял.

Безоговорочное доверие, безграничная любовь... Только семья была готова броситься на проверку любых, даже самых абсурдных слухов лишь потому, что он так сказал. Линь Шу невольно шмыгнул носом: брат использовал «запрещенный прием», выбивая его из колеи своей добротой.

Глубоко вздохнув, Линь Шу добавил:

— Маме об этом происшествии пока не говори, не хочу её волновать. И ещё... Брат, присмотри за той нефритовой статуэткой в отцовском кабинете — «Цыгуан, переправляющийся через Слабые Воды». Да-да, именно за ней. Убери её в надежное место.

Линь Ле, чьи мысли до этого были полны тревоги, невольно усмехнулся:

— Это же любимая вещица отца. Если он узнает, что ты нацелился на его сокровище, я тебя защитить не смогу.

Линь Шу тоже улыбнулся, но в этой улыбке не было радости — лишь горечь.

Статуэтка «Цыгуан» — антикварное изображение небесного скакуна. Тончайшая резьба передавала каждое движение: грива коня развевалась на ветру, а копыта, казалось, вот-вот оторвутся от земли. Линь Юаньхан обожал этот артефакт. Фигурка передавалась в семье из поколения в поколение, её веками полировали ладонями, пока нефрит не покрылся благородной патиной. Настоящая семейная реликвия.

В прошлой жизни, когда грянул апокалипсис и человечество захлебнулось в крови, золото и драгоценности вмиг обесценились. Люди бросали нефрит, считая его лишним грузом, пока не выяснилось, что старинные вещи — идеальные сосуды для «духовных инструментов».

Духовный инструмент — это нечто вроде магического артефакта из фэнтези-романов. У каждого свои свойства, и лучшие из них растут в силе вместе со своим владельцем. Обладание таким предметом в мире конца света было равносильно получению входного билета в высшую лигу выживших. Но рождались они случайно, и далеко не каждому улыбалась удача.

Их семейный скакун оказался именно таким артефактом. После начала мутаций он обрел способность превращаться в настоящего Тяньма — небесного коня. Если наезднику хватало сил, он мог преодолевать десятки тысяч ли в мгновение ока. Он ступал по воде, как по суше, и не боялся ни огня, ни молний. В мире, где рухнула вся связь, это было бесценное средство сообщения и спасения.

В той, прошлой реальности братья Линь так и не смогли вовремя вернуться в Жунчэн. Линь Юаньхан обменял «Цыгуана» на огромное количество очков в Гильдии пробужденных, чтобы назначить награду за любую информацию о сыновьях. Позже этот скакун сослужил великую службу человечеству в битвах с инородными видами, но к семье Линь он уже не имел никакого отношения.

Будь «Цыгуан» у них тогда, родители не погибли бы в зубах мутировавших шакалов на заготовительном поле — они бы просто улетели.

Даже в самый черный час прошлой жизни Линь Юаньхан не решился выбросить статуэтку. В этой жизни Линь Шу намерен был проследить, чтобы она осталась у них. Он упомянул о ней вскользь, на всякий случай.

Пока он раздумывал, как бы заставить всю семью заняться физическими упражнениями (ведь чем крепче тело, тем выше шанс на раннее пробуждение), Линь Ле снова заговорил:

— Сяо Шу, насчет семьи Ци... Там всё странно. У них три ветви. Старший внук главной ветви пропал много лет назад, его так и не нашли. Сейчас «старшим молодым господином семьи Ци» называют первенца второй ветви. И у него нет сестры, в чьем имени был бы иероглиф «Сяо». Информация, которую ты дал, слишком общая. Хочешь, я перешлю тебе всё, что удалось нарыть?

Линь Шу на мгновение оцепенел.

— Да, брат. Скинь на почту.

Они проговорили ещё долго. Линь Шу несколько раз поклялся, что вернется через пару дней, и только тогда Линь Ле положил трубку.

В трубке зазвучали короткие гудки. Линь Ле медленно убрал телефон, его лицо стало предельно серьезным.

Пусть Сяо Шу и не был тем идеальным «попкорным ребенком», о котором мечтают родители, в глазах старшего брата он оставался лучшим. Ни один из пороков, присущих золотой молодежи, не прилип к его младшему брату — разве что привычка время от времени доводить отца до белого каления. Сяо Шу был гордым и патологически честным, он презирал ложь. А значит, он не стал бы выдумывать такие вещи ради забавы.

И именно это пугало Линь Ле больше всего. И тайные козни семьи Тань, и внезапно появившиеся растения-паразиты — всё это рождало в нем липкое предчувствие надвигающейся катастрофы.

В центральном офисе корпорации Линь наступило время обеда. Сотрудники, сбившись в кучки, лениво обсуждали новости, когда увидели, как «Маленький господин Линь» стремительно покидает здание. Это не могло не вызвать любопытства. Несмотря на свое баснословное состояние, Линь Ле был тружеником, человеком простым и открытым. В нем сочетались внешность и статус «властного президента» с полным отсутствием заносчивости — настоящий идеал в глазах подчиненных. И если такой человек внезапно срывается с работы среди дня — значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

Линь Ле было не до сплетен. Если через месяц грянет буря, то каждая секунда на счету.

Машина с визгом шин вылетела с подземной парковки, но вскоре намертво встала в пробке. Линь Ле раздраженно забарабанил пальцами по рулю. Глядя на бесконечную реку автомобилей, он решил и набрал номер, который знал назубок.

— Чэнцзи, старый господин Ши уже вышел из затвора? Я хотел бы навестить его...

То, что он услышал в ответ, заставило его помрачнеть ещё сильнее.

Время тянулось невыносимо медленно. Наконец затор рассосался, двигатель мощно взревел, и серебристый «Майбах» молнией понесся в сторону элитного поселка в центре города.

Передав семье весть о грядущем конце света, Линь Шу не почувствовал облегчения. Напротив, туман в его голове лишь сгустился. С момента его перерождения всё пошло наперекосяк.

Он раскрыл заговор семьи Тань, из-за чего подозреваемый сбежал раньше срока, спровоцировав довременное появление мутировавших одуванчиков. В итоге Тань Сяо не успел вовремя покинуть бар Цзиюэ и сам стал удобрением для монстра.

Его самого не бросили в тюрьму, семье Линь не пришлось тратить ресурсы на его спасение, и те припасы, что в прошлой жизни помогли семье Тань возвыситься, остались в его руках. Брат не прилетел в Юньчэн, а значит, ему не придется совершать тот самоубийственный рывок через всю страну обратно в Жунчэн.

Даже судьбы его приятелей-бездельников изменились. В прошлый раз Тань Сяо сбежал первым, а остальные остались. Когда начался кошмар, большинство из них погибло или пропало без вести — до дома добрались единицы. Теперь же, когда заговор вскрылся, а Тань Сяо погиб, напуганные родители один за другим отозвали своих отпрысков домой. Не факт, что все они переживут апокалипсис, но рядом с близкими, в знакомой обстановке, шансов у них куда больше.

И, наконец, Фу Яньсю.

В этой жизни их встреча запоздала на три дня, но их отношения неслись вперед семимильными шагами. Фу Яньсю — человек с повадками бандита, вечно расслабленный и якобы несерьезный. На деле же он был «праведником» с железными принципами и склонностью к самопожертвованию. Но была и другая сторона: стоило кому-то перейти черту, и он превращался в самого безжалостного палача.

Он мог без колебаний уступить место в спасательной капсуле другому, оставшись один на один с ордой зомби. И он же мог, не моргнув глазом, скормить шайку грабителей хищным лианам — и никакие мольбы не могли его смягчить. В начале апокалипсиса многие не решались убивать себе подобных, но только не Фу Яньсю — он отправлял подонков на тот свет без тени сомнения. Помогать только тем, кто того стоит; не оставлять врага за спиной — истины, к которым многие приходили годами страданий, он исполнял с первого дня.

Возможно, дело было в его прежней профессии, но этот человек, способный сойтись с кем угодно за кружкой пива, на самом деле был крайне осторожен и никому не доверял до конца. Линь Шу отлично помнил: в прошлой жизни они долго оставались просто «спасателем и спасенным», и лишь после множества совместных битв в их душах зародилось нечто иное.

Но сейчас... Фу Яньсю с первой секунды вел себя странно.

Он без умолку ворчал, отчитывая Линь Шу, но в этом ворчании сквозила искренняя тревога. Он встал перед ним, закрывая собой, подставив ему спину — жест высшего доверия. В той жизни Фу позволил себе такую близость, только когда они уже почти добрались до Жунчэна.

Что же заставило Фу Яньсю так измениться при первой встрече? Его перерождение? Или в его подсознании сохранился инстинктивный порыв защищать его? Но ведь они никогда не встречались раньше... Откуда взяться этой близости?

Его возвращение, словно взмах крыльев бабочки, породило волны, которые теперь сливались в сокрушительное цунами. Линь Шу ясно понимал: мир бесповоротно сходит с рельсов. Если он будет слепо следовать памяти, то в один прекрасный день сам угодит в ловушку.

Значит ли это, что исчезновение брата и сестры Ци тоже как-то связано с его перерождением?

Линь Шу быстро просмотрел присланное братом досье на семью Ци и яростно нахмурился. Теми, кто погубил его семью, были Ху Сижэнь и та женщина. И смелости им придавало именно покровительство «старшего молодого господина семьи Ци».

Линь Шу помнил лицо той женщины и помнил, что Ху Сижэнь звал её «Сяося». Стоило ему увидеть её снова, и он бы её узнал. В этой жизни он не допустит, чтобы его близким причинили вред. Он решил найти их первым и вырвать эту угрозу с корнем. Конец света не только закалил его сердце, превратив его в сталь, но и научил главному правилу: промедление смерти подобно.

Он не переживет потерю семьи во второй раз.

Но теперь главные герои этой драмы словно испарились...

Линь Шу сжал кулаки, посмотрев жестко и решительно.

Что ж, раз так — сначала нужно стать сильнее. Семья Линь пострадала в прошлый раз лишь потому, что оказалась слабее врага.

В мире апокалипсиса слабость — это первородный грех.

А что до семьи Ци... Он их найдет. Он не отступит.

<http://bllate.org/book/17473/1693858>